

Коллектив авторов

Сказания бурят

**Записанные разными
собираателями. Том 1. Выпуск 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Сказания бурят: Записанные разными собирателями. Том 1. Выпуск 2 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 164 с.

ISBN 978-5-458-08294-5

ISBN 978-5-458-08294-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

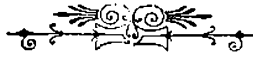
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СКАЗАНІЯ БУРЯТЪ.

I.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ.*)

Въ прежнее славное, благополучное, богатое время, когда земля становилась землей, вода становилась водой, когда великая гора Сумбырь была съ кочку, а великое молочное море съ луку, самая большая рыба—молькой, среди желтой степи, въ близи желтаго моря, у подошвы горъ стоялъ, какъ срубленная скала, достигая до небесъ, серебряный дворецъ, съ городьбой изъ сплошнаго серебра, съ филенчатыми серебряными воротами, съ серебро-перломутровыми дверями, съ порогомъ изъ литаго серебра, съ крыльцомъ длиннымъ предлиннымъ, такъ что кобыла съ жеребенкомъ едва могла перебѣжать его, и кобыла съ лончагомъ пройти его, переступая съ ступени на ступень; ступени этого крыльца изъ чистаго серебра. Вверху его сорокъ тысячъ оконъ, внизу семьдесятъ тысячъ оконъ, у каждой стѣны по караульному, у каждаго окна по подслушивателю, въ каждомъ углу по бурхану. Разнаго скота паслось по задней сторонѣ (ара одо) сто тысячъ, а по внутренней (убыр одо) безчисленное множество. Родившійся владѣтелемъ всего этого богатства былъ сынъ Унтэ-Тархи'я**) Алтанъ-Шагай-мэргынъ.

У Алтанъ-Шагай-мэргына былъ соловой конь Агуй-Шаргаморѣнъ, которому на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было равнаго коня по бѣгу, какъ и самому Алтанъ-Шагаю во всей вселенной не было равнаго по силѣ. Былъ еще у Алтанъ-Шагай-мэргына старшій братъ Ногонъ-

*) Алтанъ—«золото», «золотой»; мэргынъ «стрѣлокъ».

**) Унтэ тархи «драгоценная голова».

Соё-мэргынъ пятидесяти лѣтъ съ женой, т. е. невѣсткой Алтанъ-Шагай, Ногонъ-Толё также пятидесяти лѣтъ. Не было у старшаго брата сына, котораго-бы онъ могъ нянчить у груди, не было и дочери покачать на ногахъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ спалъ, не раздѣваясь, проглатывалъ, не пережевывая; въ продолженіи семи сутокъ пьянствовалъ день и ночь.

Однажды утромъ, когда Алтанъ-Шагай протрезвился, невѣстка его Ногонъ-Толё и говоритъ ему: «Ну, почему ты такой молодой такъ сильно пьешь водку? Табуны наши, пасущіеся въ вершинѣхъ пади и рогатый скотъ и овцы, пасущіеся внизу пади давнымъ-давно кружатъ (бродятъ) безъ всякаго присмотра; братъ твой сталъ уже старъ, а ты почему все пьянствуешь?» Алтанъ-Шагай-мэргынъ почувствовалъ справедливость этихъ словъ, вымылъ лицо и руки, вышелъ на улицу, остановился на крыльцѣ злато-серебряномъ, обвелъ пѣгострыми глазами золотую степь, посмотрѣлъ бѣлострыми глазами (туда и сюда) вдаль и вблизи и усмотрѣлъ на задней сторонѣ Алтайской горы (Алтаин арда) соловаго коня Агуй-Шарга-морена, у котораго крестецъ (уса) былъ, какъ ящикъ, арбинъ (брюшной жиръ), какъ пола. Алтанъ-Шагай-мэргынъ свистнулъ, какъ десять человѣкъ, гаркнулъ, какъ двадцать человѣкъ. Агуй-Шарга-морень прислушивается правымъ торчащимъ ухомъ къ верхнимъ обитателямъ, а лѣвымъ торчащимъ ухомъ къ подземнымъ обитателямъ и рѣшаетъ: «Какъ будто это слышится голосъ моего хозяина?» Отбросивши оба торчащихъ уха на загривокъ, а бѣлосѣткный свой хвостъ на крестецъ, хранилъ, туманъ сталъ, фыркнулъ, пыль поднялась, и побѣжалъ. Прибѣгаетъ къ дому, со звономъ отворяетъ ворота серебряныя филечатыя, вбѣгаетъ и останавливается у имѣющей восемнадцать дѣлений коновязи, какъ привязанный и стоять, какъ обыкновенно стоятъ привязанные кони, съежился, какъ залицъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ надѣваетъ на него обротъ (недоуздокъ), оправленную въ серебро, обуздываетъ его серебряной уздой, налаживаетъ на него легкій шелковый потникъ и обседываетъ его

серебрянымъ сѣдломъ; подтягиваетъ его десятью подпругами, онъ сгибается; стягиваетъ его двадцатью подпругами, онъ ѣжится; втыкаетъ подъ переднюю луку сѣдла плеть, сплетенную изъ кожи трехгодовалого быка и привязываетъ его (коня) плетенымъ шелковымъ поводомъ къ серебряной коновязи, а самъ входитъ въ юрту (домъ), останавливается на *барунтэ* (т. е. на лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрту), надѣваетъ на себя лѣтній легкій шелковый дыгылъ (халатъ, опушенный у богатыхъ выдрой), застегиваетъ безъ ошибки всѣ 108 пуговицъ; далѣе надѣваетъ на себя зимній теплый дыгылъ (шубу), застегиваетъ ее на безчисленное множество пуговицъ; сверхъ этого надѣваетъ непромокаемую отъ девяностилѣтняго дождя большую черную шубу, а потомъ одѣвается въ несокрушимую девяностидевятью стрѣлами кольчугу; надѣлъ съ гору шапку и усѣлся тутъ-же (барунтэ), какъ величественный вѣтвистый кедръ, покачиваясь. Невѣстка ставитъ передъ нимъ золотой столъ, на который устанавливаетъ самыя вкусныя кушанья и поитъ вкуснѣйшимъ краснымъ сливнымъ чаемъ*).

Послѣ этого Алтанъ-Шагай мѣрғынъ вышелъ на улицу, сѣлъ на коня и отправился; видно было только цыли горсть у коновязи, да за тремя падами мелькнула красная кисть на шалкѣ, да серебряный колчаяъ блестялъ. Ногонь-толѣ только ахнула: «Вотъ такъ это молодець!» Затѣмъ (Алтанъ-Шагай), выѣхавши на трактъ, бѣжить, какъ брошенный камень катится по землѣ, летитъ, какъ соколъ со свистомъ; тихо ѣдетъ, дерна отрываетъ съ чашку**) (отлетаетъ отъ копытъ), а скоро ѣдетъ съ корытце***) Затѣмъ осматриваетъ весь, пасущійся въ вершинѣ и внизу пади, скоть. Скота много прибавилось противъ прежняго. Раскинувши полы и крикнувши зычнымъ голосомъ, собираетъ весь скоть, гонитъ его къ

*) Такой чай нѣкоторые буряты пьютъ и сейчасъ; варится онъ въ котлѣ, сливается поваренной до тѣхъ поръ, пока не будетъ, какъ сусло и пока не останется ничего, изъ чего можно было получить еще наваръ.

О. Н. Зат—въ.

**) Аята—чашка величиною съ нашу полоскательную. О. З—въ.

***) Тыбша—корытце, въ которомъ рубятъ мясо. О. З—въ.

большому желтому морю и поить его здѣсь. Выпивъ все море до гальки, скотъ постукиваетъ ногами объ нее (гальку). Алтанъ-Шагай-мэргынъ скотъ пригналъ, угналъ и оставилъ его.

Послѣ этого, смотря вверхъ, смѣется, смотря внизъ, плачетъ: «Кому достанутся мои табуны и скотъ во владѣніе? Братъ мой уже пятьдесятъ лѣтъ, самъ я цѣликомъ глотающій, толсто-глотающій» (т. е. человекъ одинокій). Въ это время слышится неизвѣстный голосъ: «Алтанъ-Шагай-мэргынъ! солнце твое еще высоко, года твои еще малы. Что печалишься! Возвратясь домой, попроси невѣстку Ногонъ-Толѣ высидѣть десять котловъ двоенаго и троенаго тарасуна (арзо-харзо), двадцать котловъ учетвереннаго (хорзо-харза) и вмѣстѣ съ ней этотъ тарасунъ пей. Самъ-то ты, впрочемъ, вовсе не пей, а невѣстку пой обманомъ. Когда она опьянѣетъ, она тебѣ укажетъ суженую». Выслушавши это, онъ отправляется домой переступью. Бѣжавши такъ, онъ услышалъ шумъ-гамъ; сидно удивившись этому, сталъ смотрѣть вблизи и въ даль; съ восточной стороны поднимается тонкій столбъ пыли, достигающій до небесъ; толстый слой пыли растилается по землѣ, покрывая ее. Онъ смотритъ въ средину этого и видитъ, прямо по направленію къ нему летитъ стрѣла съ наконечникомъ въ конскую голову и говоритъ: «Гдѣ ты, Алтанъ-Шагай-мэргынъ»? Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ разстегиваетъ изъ ста восьми пуговицъ восемь и, чтобъ проклятая стрѣла, пролетѣвъ, не разорвала одежды, выставляетъ впередъ свою черную обнаженную грудь. Стрѣла эта прилетѣла, лишь только онъ открылъ грудь, и ударилась въ нее; остріе конца заворотилось и вершина (оно)* отломилась, а сама она отскочила и упала на разстояніи однодневнаго пути.

Стрѣла эта ударилась въ черную грудь Алтанъ-Шагай-мэргына, какъ будто о твердый камень, зазвенѣла и издала такой звукъ, какъ-бы ударилась о бурый камень. Отправляется узнать, посмотрѣть, что это за стрѣла и видить, на верхней сторонѣ стрѣлы золотомъ написано,

*) Плоскій желѣзный наконечникъ стрѣлы по бурятски «зэбэ»; трехгранный и четырехгранный наконечники — «хангай». Деревянный козлецъ стрѣлы, противоположный наконечнику — «болсу». «Оно» выемка, въ которую вляется тетива; «аынгъ» костяной боченокъ для стрѣлы-свистунки.

на нижней сторонѣ бѣлымъ серебромъ написано; беретъ эту стрѣлу и читаетъ, не мигнувъ глазомъ, не переступивъ съ мѣста. Тутъ было написано: «Дни долгіе, ночи короткія; наслышавшись, что есть неимовѣрный силачъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, мы приглашаемъ его на пиръ, мы, живущіе на востоцѣ, девять братьевъ одного отца мангаская посылаемъ». Такъ онъ вычиталъ. Соскрѣпивъ все написанное на этой стрѣлѣ, пишетъ золотомъ на задней сторонѣ! «Я приѣду къ вамъ къ тому времени, когда родившійся теперь будетъ въ состояніи носить кочанъ и когда сотрется ушко у желѣзнаго стремени». Затѣмъ дѣлаетъ стрѣлѣ внушеніе: «Ты полетай туда, гдѣ живетъ самый старшій братъ; на западной сторонѣ дворца*), въ углу его, пробей самыя коротенькія доски крыши, влети и отсѣки напрочь правую заднюю ножку отъ ширэ**), на которомъ будетъ сидѣть онъ».

Стрѣла эта влетаетъ и отсѣкаетъ. Мангаскай, сильно испугавшись, слетѣлъ (уцалъ) съ ширэ. Беретъ эту стрѣлу, смотритъ и читаетъ и видитъ, что тамъ написано, что Алтанъ-Шагай-мэргынъ приѣдетъ сюда, когда родившійся теперь сынъ въ состояніи будетъ носить кочанъ и когда ушко желѣзнаго стремени изотрется. Эготъ старшій братъ собираетъ своихъ младшихъ братьевъ и говоритъ имъ: «Уничтожьте его, пока онъ еще не женился; если онъ будетъ съ сыномъ, онъ сдѣлаетъ, что изъ насъ не будетъ ни мяса, ни щей». Такъ рѣшили. Затѣмъ ѣдетъ домой трактомъ рысцой, побрякивая патвеей (ханхинса***). Приѣзжаетъ домой, привязываетъ у основанія коновязи, имѣющей двѣнадцать дѣлений, шолковымъ плетенымъ поводомъ коня, а самъ входитъ въ юрту. Начинаютъ бесѣдовать съ старшей невѣсткой; онъ рассказываетъ ей, что пасушагося разнаго скота прибавилось множество. Невѣстка ставитъ золотой

*) Здѣсь разумѣется восьмиугольная юрта.

О. З—ев.

**) Маленькій столикъ, а также и тронъ

О. З—ев.

***) Ханхинса значитъ звѣнить. Буряты на патвее сѣдла привѣшиваютъ побрякушки въ родѣ бляхъ одну на другую, которыя при ѣздѣ рысью, ударяясь другъ о друга, производятъ бряканіе. Отсюда образное выраженіе: ханхинса-хатараяи ясибо, «побрякивая рысать».

О. Н. З—ев.

столь, наставляють на него самыя вкусныя кушанья и угощают его краснымъ сливнымъ чаемъ. Разговаривая о томъ, о семь (обор-табар), Ногонь-Толё невѣстка, между прочимъ, спрашиваетъ Алтань-Шагай-мэргына: «У тебя есть какая-то печаль въ груди? Глаза твои слезятся». Тогда Алтань-Шагай-мэргынъ сказаалъ: «Невѣстка, невѣстка! я съ вами еще ни разу не пилъ водки. У меня теперь явилось сильное желаніе выпить съ вами? Выкурите десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ выкурите четвернаго тарасуна и выпьемъ съ вами». Выслушавъ это, Ногонь-Толё невѣстка выкуриваетъ десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ четвернаго тарасуна (т. е. четыре раза перегнаннаго). И такъ оба пьютъ. Алтань-Шагай мэргынъ, показывая видъ, что пьеть, выливаетъ за пазуху. Невѣстка пила-пила и едѣлалась краснорыжей. Тогда Алтань-Шагай-мэргынъ спрашиваетъ: «Вы давно уже живете моя невѣстка! много слыхали и видали! укажите-ка мнѣ суженю!» «Ты, чтобъ выпытать у меня это, нарочно спаиваешь меня; хотя-бы и такъ, все-же таки я тебѣ не укажу». Тогда Алтань-Шагай мэргынъ наливаетъ одну большую чашу двоёнаго тарасуна; встаетъ на колѣни и угощаетъ ее. Выпивши эту чашу, она совершенно опьянѣла. Опьянѣвъ, начинаетъ говорить: «Въ давнѣ-давнѣя времена, когда я была молода и спивала небо*), наравнѣ со мною шила одна маленькая дѣвочка. Это и есть твоя суженая. Это на западѣ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи**), дочь Баянъ-Мунгэй-хана, но достать ее встрѣчается много препятствій; если ты будешь молодцомъ, то побѣдишь всѣ эти препятствія, возьмешь ее за себя».

Послѣ этого Алтань-Шагай готовится, днемъ при свѣтѣ солнечныхъ лучей, ночью при свѣтѣ свѣчи (т. е. готовится день и ночь); отломившееся приклеиваетъ, оторвавшееся срываетъ;

*) Млечный путь по вѣрованію бурятъ есть шовъ небесный. О. Н. З.

**) Гхайхан — прекрасный, красивый; ирэн — пестрый; тарбажи — степной орелъ

Агуй-Шарга-морена (коя) ставить на навозную кучу*) и выдерживает до степени состоянія бѣлки, ставить его на ледь, чтобъ копыта его приняли настоящій видъ; приготовляетъ всё своимъ воинскіе доспѣхи. Ногонъ-Толѣ невѣстка, протрезвившись, говоритъ: «Что ты дѣлаешь, собака? (ажа-похой яга-б-п?**) куда ты собираешься? Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Ты мнѣ указала свата, я и рѣшилъ туда ѣхать». «Что ты, собака! я сказала это въ пьяномъ видѣ. Сколько молодцовъ удалѣе тебя рѣшались на это, но возвращались ли, я не слыхала». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Мужчина-человѣкъ не отказывается отъ своего рѣшенія, какъ волкъ и собака не опускаютъ кости, понавшейся имъ въ пасть. Не все-ли равно, гдѣ-бы не легли мои кости и кости коня? т. е. не все-ли равно, гдѣ-бы не умирать, лишь-бы умереть съ бранною честію».

Послѣ этого выходитъ на улицу, садится на коня и отправляется. Ногонъ-Толѣ невѣстка: «стой!» говоритъ. Сжимаетъ въ два комка мясо двадцати кладеныхъ баравовъ, двадцать копенъ сѣна свертываетъ въ двѣ горсти и кладетъ ихъ на дно въ футляръ (хормого) лука и говоритъ: «будешь голодать или мерзнуть, бери и ѣшь!» и благословляетъ его, даетъ ему благопожеланіе: «въ родную землю возвратись, въ свое мѣсто вернись!» И такъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ отправился; вядно было только пыли гореть у коновязи, да за тремя падами мелькнула красная кисть на шалкѣ, да серебряный колчанъ блестнулъ. Затѣмъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, звеня, рысать по тракту, узнавая лѣто по пѣнію овсянки (алтын-гургузтай) и опредѣляетъ зиму по шекотанію сороки. «Ну, говоритъ, пора дать отдыхъ себѣ и коню!» и съ этими словами поднимается на вершину высокой горы Сумбырь во весь опоръ; одной стрѣлой убиваетъ изюбря и самку, разложивши большой костеръ огня, вздѣв-

*) Почти у каждого бурята на лѣто въ кучу загребаются навозъ, который зимой подотпывается мелкому скогу вѣсто соломы. Этотъ распушенный навозъ, если онъ овецій, называется хохиръ, если коровій—хи. Обыкновенный-же жесткій навозъ зовется аргаль. *О. Н. З—въ.*

**) Это выраженіе ни какъ не ругань, а что-то заскательное.

ши на два вертела убитыхъ звѣрей, поставилъ ихъ жарить. Сидя такимъ образомъ, обозрѣваетъ своими бѣлопестрыми глазами въ даль и въ близъ и видитъ на разстояніи однодневнаго пути стоять три дворца, достигающіе до небесъ; на дворѣ ихъ стоятъ, какъ кровь, три рыжихъ коня, обвѣшанные колчанами и луками, стоятъ и рвутся. Что это за народъ живетъ? Разсѣдываетъ своего коня Агуй-Шарга-морена, серебряное сѣдло кладетъ подъ голову, шелковый потникъ подстилаетъ подъ себя и ложится на спину и думаетъ: «А что, если пѣшкомъ сходить, посмотрѣть это»? Уходитъ.

Рѣшивши войти въ первый верхній дворецъ (ордой ургок), вынимаетъ изъ футляра лукъ, приподнимаетъ имъ верхнюю колоду (юрты) дворца, смотритъ туда и видитъ; по входѣ на лѣвой сторонѣ (барунтѣ) сидитъ молодець-молодцомъ, съ краснымъ лицомъ и съ зубами въ лопату; на хойморѣ (въ задней сторонѣ т. е. противъ дверей) сидитъ съ подрывльникомъ (халзулара) бѣлизны превосходящей сіяніе солнца, съ горломъ, превосходящимъ сіяніе луны; изъ досютка шелковой матеріи въ ладонь величиной сшиваетъ десять одеждъ, изъ лоскута шелка въ полу величиной сшиваетъ двадцать одеждъ и бросаетъ ихъ по обѣ стороны (взадъ и впередъ). Сидя, такъ мужа спрашиваетъ: «Что-ты такъ сидишь? или воображаешь, что нѣтъ тебѣ подобнаго человѣка»? Тогда мужъ говоритъ: «Гдѣ-же такой мнѣ подобный человѣкъъ есть»? — Ахъ ты, собака! говоритъ жена. Прямо на юго-востокѣ есть сынъ Унтэ-Тархіа Алтанъ-Шагай-мэргынъ; сравнишься-ли ты съ нимъ? — «Я его, этого твоего привяжу въ правая торока! говоритъ мужъ. А ты что думаешь, что тебѣ нѣтъ подобной? Есть гораздо лучше тебѣ. Прямо на сѣверо-западѣ дочь Банивъ-Мунгэй-хана Гхайханъ-Иранъ-Тарбажи, шьетъ она безъ шва, пищу приготовляетъ безъ пара; сравняешься-ли ты съ ней»? Жена говоритъ: «Та небеснаго происхожденія, а я земнаго». Услышавши это, Алтанъ-Шагай-мэргынъ идетъ ко второму нижнему дворцу, поднимаетъ тѣмъ-же порядкомъ верхнюю дверную колоду и опять слышитъ такой-же разговоръ. Идетъ въ третьему дворцу, крайнему-нижнему и опять слышитъ тоже самое.

Тогда беретъ онъ маленькій доскутовъ бумажки и пишетъ на немъ: «Привязать Алтанъ-Шагаю въ правые торока приходите на вершину горы Сумбырь да по сподутности уведите и своихъ трехъ коней». Когда эти парни вышли на улицу, трехъ коней нѣтъ. Ищутъ тамъ и сямъ, не могутъ найти даже и слѣда. Ища такимъ образомъ, находятъ у основанія одной коновязи бумажку въ ладонь величиной. Никого не могутъ найти прочесть эту бумажку. Одна женщина, знающая грамоту, читаетъ: «Я Алтанъ-Шагаю-мэргынъ увелъ вашихъ коней; приходите и привяжите меня въ правыя торока и уведите своихъ коней». Эти три молодца засучиваютъ красивые рукава до локтей, затыкаютъ красивые полы за поясъ и разсуждаютъ: «Днемъ-ли, ночью-ли мы увидимъ Алтанъ-Шагаю-мэргына, принесемъ его орѣховую голову! Вотъ увидите!» говорятъ женамъ. А жены имъ говорятъ. «какъ только увидите Алтанъ-Шагаю, тотчасъ упадете въ обморокъ» и разошлись по домамъ. Эти трое молодцовъ отправляются. Взбирался на гору Сокто-Сумбырь, видать что-то распростершееся, возвышающееся подобно горѣ и около цѣликомъ изжаренныхъ изюбря и мятку. Увидѣвши это, они упали въ обморокъ. Вставши, Алтанъ-Шагаю говоритъ: «Что, человѣка не видали, подъ ногами жили? людей не видали, подъ подошвою жили?» Хлестнувъ ихъ собольимъ рукавомъ, заставляетъ встать. Они, вставши, слагаютъ руки ко лбу по-ламайски и молятся на него (кланяются). «Ну, вяжите меня въ правыя торока». Тѣ отпираются: «Я не говорилъ»!.... «Я не говорилъ»!.... «Ну, идите, поймите моего коня и приведите!» Отдаетъ имъ узду. Узду эту они и втроемъ даже поднять не могутъ. «Вы такіе слабосильные никогда не говорите, что человѣка привяжемъ въ правые торока».

Поймавши самъ, надѣвши узду: «Положите», говоритъ, «потникъ!» Потникъ этотъ они втроемъ сдвинуть даже не могутъ. Тогда онъ самъ налаживаетъ потникъ. Опять имъ говоритъ: «Осѣдлайте моего коня!» Опять не могутъ шевельнуть сѣдла. Опять самъ осѣдлаываетъ. Потомъ оба вертела втыкаетъ передъ собой и всѣмъ имъ

троицъ дасть по ребру. Остальное, нѣсколько разъ откусивши, съѣлъ, кости и негодныя части мяса выплюнулъ (выфыркнулъ) ртомъ и носомъ. А тѣ три не могли съѣсть и по половинѣ. «И такъ, послѣ этого вы много не говорите, а когда я отправлюсь, вы молитесь до тѣхъ поръ, пока я не скроюсь изъ вида!» И такъ отправился.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ рысать по тракту, звеня. Когда онъ ѣдетъ, вдругъ слышитъ, поднимается какой-то гудъ. Летитъ стрѣла. Гдѣ ты Алтанъ-Шагай?—Что это за стрѣла? она, пожалуй, разорветъ мою одежду? Изъ ста восьми пуговиць разстегиваетъ восемь и выставляетъ впередъ свою черную грудь. Изъ оно*) этой стрѣлы дымъ идетъ, а изъ наконечника огненные искры летятъ. Попадаетъ она прямо въ грудь и прострѣливаетъ насквозь, дѣлая отверстіе, въ которое видѣнь свѣтъ утренней зари и лучи дневнаго солнца; вылетаетъ, намотавши на себя легкія и сердце. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, раскинувши руки, чуть не падаетъ; когда онъ склоняется на задъ, конь подставляетъ ему крестецъ, когда онъ склоняется впередъ, подставляетъ гриву, а когда валится на бокъ, подставляетъ ему ребра. Алтанъ-Шагай-мэргынъ еле-еле вытащилъ лувъ свой изъ футляра и оперся имъ о землю, вытащилъ изъ серебрянаго колчана стрѣлу одонъ-хангай, налаживааетъ ее на лукъ и наговариваетъ ей, чтобъ она преслѣдовала (стрѣлившаго), куда-бы онъ ни заходилъ и куда-бы онъ ни выходилъ и пускаетъ ее. Стрѣла улетаетъ. Загудѣли вверху восемь небесъ, заколебались внизу семь частей свѣта. Эта стрѣла пущена въ самаго Жоргодой-мэргына, имѣющаго шесть большихъ пальцевъ. Въ нему эта стрѣла и прилетаетъ. Съ шестью большими пальцами (зурганъ эрхетей) Жоргодой-мэргынъ, испугавшись ея, вспрыгнулъ на яблочко-чубараго коня и поскакалъ. Стрѣла гонится за нимъ и чуть-чуть уже не догоняетъ его. Бросивши коня, онъ вприснулъ въ море и превратился въ семьдесятъ молекъ (небольшихъ рыбъ). Стрѣла-же превра-

*) Оно—ушко стрѣлы, въ которое влагается тетива.